

О вліяніи войны на дѣтскую психику.

(По даннымъ анкеты).

Задача настоящей статьи—освѣтить вопросъ о вліяніи войны на дѣтскую психику на основаніи данныхъ, полученныхъ при обследованіи дѣтей, посѣщающихъ учебно-вспомогательныя учрежденія при Кіевскомъ Фребелевскомъ Институтѣ. Не считая возможнымъ утверждать, что полученные мной данныя имѣютъ безусловно типическій характеръ, я все же полагаю, что точный матеріалъ, охватывающій хотя бы и небольшой кругъ дѣтей, безконечно важнѣе и надежнѣе, чѣмъ всѣ тѣ „общія“ наблюденія и поспѣшные выводы, съ которыми особенно часто приходится встрѣчаться именно теперь. Жизнь поставила передъ нами неожиданно много вопросовъ, на которые мы должны дать быстрый и опредѣленный отвѣтъ, но тѣмъ важнѣе опираться при этомъ на точные факты. Въ частности, чрезвычайно серьезна и отвѣтственна въ наши дни роль педагоговъ, которые должны стоять не только на стражѣ интересовъ и запросовъ дѣтской души, но должны чутко прислушиваться и къ жизни, чтобы не отстать отъ ея могучаго и быстрога движенія. Педагоги должны быть особенно осторожны въ тѣхъ или иныхъ своихъ шагахъ, такъ какъ они имѣютъ дѣло съ чрезвычайно нѣжнымъ и хрупкимъ матеріаломъ—дѣтской душой, находящейся въ періодъ созрѣванія. Вмеѣстѣ съ тѣмъ дѣти захвачены войной если и не такъ, какъ взрослые, то все же очень глубоко. Въ ихъ сознаніи, какъ и въ тайникахъ ихъ души совершается напряженнѣйшая работа, плоды которой скажутся не скоро,—а между тѣмъ именно дѣтямъ нашимъ предстоитъ работать въ той новой

атмосферѣ, которой будетъ дышать общество, когда пройдетъ страшная буря, разразившаяся надъ всѣмъ міромъ. Велика и прекрасна роль педагога въ дѣлѣ охраненія дѣтской души отъ ядовитыхъ „цвѣтовъ зла“, такъ легко вырастающихъ въ лихую годину, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшна и отвѣтственна эта роль! Невидимо, незамѣтно для насъ, всецѣло ушедшихъ душой въ войну, совершается великій историческій сдвигъ; особенно глубоки и серьезны должны быть тѣ измѣненія, которыя коснутся нашей родины. Дѣти наши явятся активными участниками новой жизни,—и чѣмъ больше будутъ они подготовлены для этого, чѣмъ болѣе богата и глубока будетъ ихъ душа, чѣмъ ближе воспримутъ они задачи, возложенныя на нихъ исторіей, тѣмъ больше выступить въ нихъ работа педагоговъ нашихъ дней... Но какъ проникнуть въ тайну дѣтской души, скрытую отъ насъ вообще и въ особенности теперь? Какъ учесть именно то, что имѣетъ особенно важное значеніе для созрѣвающей души, но что не успѣло еще опредѣлиться и выступить наружу?

Еще сравнительно недавно душевная жизнь дѣтей вовсе не казалась загадочной, еще недавно на нее смотрѣли, какъ на жизнь взрослыхъ, но лишь въ миниатюрѣ. Среди широкой публики и сейчасъ еще держится взглядъ, что душевная жизнь дѣтей совершенно однородна съ душевной жизнью взрослыхъ, что ея отличія вполнѣ объясняются тѣмъ, что у дѣтей душа только зрѣетъ, между тѣмъ какъ у взрослыхъ мы имѣемъ дѣло уже съ сложившейся системой души. Но этотъ взглядъ безусловно долженъ быть отброшенъ. Если мы не умѣемъ еще вполнѣ раскрыть смыслъ дѣтскихъ переживаній, то въ одномъ сходятся нынѣ всѣ психологи,—что дѣтстве представляетъ собой особую фазу въ развитіи души, имѣющую свои особенные законы, свои особыя задачи. Дѣтскія переживанія замыкаются въ свой особый циклъ, характерной особенностью котораго является не слабое развитіе основныхъ душевныхъ силъ, а качественное отличіе всѣхъ душевныхъ процессовъ въ ихъ совокупности отъ душевной жизни взрослыхъ. Конечно, нельзя отрицать того, что у дѣтей спятъ еще многія душевныя

силы, еще отсутствует ясное самосознание, еще нѣтъ правильныхъ и точныхъ воспріятій. Незавершенность интеллекта, слабое чувство дѣйствительности, напряженная работа фантазіи,—все это кладетъ свою печать на дѣтскую психику. Но за всѣмъ тѣмъ все настойчивѣе утверждаютъ психологи, что всѣ основныя силы души присущи дѣтямъ уже въ раннемъ періодѣ. Если наприимѣръ время отъ времени встрѣчаются еще утверждения, что высшія логическія функціи выступаютъ у дѣтей сравнительно поздно, то ростъ фактовъ и выясненіе основныхъ психологическихъ понятій ведетъ все опредѣленнѣе къ признанію изначальности и непроеизводности высшихъ логическихъ функцій. У дѣтей мы находимъ также не только несомнѣнную способность къ высшимъ эмоціональнымъ переживаніямъ (моральнымъ, эстетическимъ, религіознымъ), но встрѣчаемся у нихъ даже съ такими душевными движеніями, которыя, повидимому, специфически свойственны взрослымъ (половыя переживанія, родительскія чувства). Если въ послѣднемъ случаѣ нельзя всецѣло присоединиться къ крайнимъ воззрѣніямъ Фрейда и его школы, то нельзя отрицать и того факта, что сексуальныя переживанія въ той или иной мѣрѣ присущи и дѣтямъ. Тѣмъ съ большей силой однако должны мы подчеркнуть основное качественное отличіе дѣтской психики отъ психики взрослыхъ. Если душевная жизнь взрослыхъ развивается при непрерывномъ взаимодействіи съ окружающей средой, то дѣтская душа занята другимъ, именно подготовкой къ этой жизненной борьбѣ. Все своеобразіе дѣтской психики дѣйствительно опредѣляется тѣмъ, что, подготавливаясь къ самостоятельной борьбѣ за существованіе, дитя даетъ просторъ всѣмъ своимъ психическимъ силамъ въ играхъ. Дитя играетъ больше, чѣмъ мы думаемъ, такъ какъ въ дѣтскомъ сознаніи нѣтъ еще разрыва между міромъ дѣйствительнымъ и воображаемымъ; дитя относится поэтому свободнѣе къ дѣйствительности, чѣмъ мы. Въ этомъ именно и заключается смыслъ дѣтства, какъ особой фазы въ развитіи души: свободное отношеніе къ жизни опредѣляясь наивнымъ сближеніемъ дѣйствительнаго и воображаемаго, даетъ дитяти возможность развернуть всѣ душевныя силы, не вступая въ отношенія къ реальному міру, что

могло бы привести къ непоправимому краху. Дитя какъ бы на черно ориентуется въ жизни; подобно артисту, дитя передъ настоящей игрой, репетируетъ свою роль. Если бы дитя не жило всей душой въ своемъ мѣрѣ, оно не могло бы дать просторъ своимъ силамъ и не могло бы такимъ образомъ подготовиться къ жизни; но если бы этотъ процессъ подготовки развѣтывался всецѣло въ реальномъ мѣрѣ, то дѣти гибли бы жертвой своего возраста. Біологическое значеніе дѣтства, столь ясно выступающее въ играхъ, связано такимъ образомъ съ тѣмъ, что у дѣтей реальный мѣръ неразрывно примыкаетъ къ міру воображаемому.

Такое пониманіе дѣтства не должно быть, конечно, черезчуръ заостряемо. Мы настойчиво подчеркиваемъ тотъ фактъ, что у дѣтей реальная жизнь неразрывно сплетается съ воображаемой; но это значитъ, что не живя всецѣло въ реальномъ мѣрѣ, дѣти не живутъ всецѣло и въ воображаемомъ,—точнѣе говоря, дѣти не проводятъ различія между этими двумя мірами. Однако у нихъ все же идетъ усвоеніе дѣйствительности, благодаря чему въ свое время и наступаетъ разрывъ между реальнымъ и воображаемымъ. Какъ ни трудно датировать точно тѣ или иные переломы въ дѣтской душѣ, но приблизительно около 7—9 лѣтъ начинается у дѣтей великій ледоходъ въ душѣ, наступаетъ пора критическаго разрыва между мечтой и дѣйствительностью. Все „второе“ дѣтство, равнымъ образомъ юношескій періодъ уходятъ на выработку критическаго отношенія къ міру,—и можетъ быть въ силу этого нѣтъ болѣе хрупкаго возраста, чѣмъ этотъ критическій періодъ. Необычайная эмоциональная подвижность является лучшимъ симптомомъ той внутренней неустойчивости, которая характерна для этого періода.

Что же внесла и вноситъ въ дѣтскую душу война—эта страшнѣйшая катастрофа, потрясшая жизнь во всѣхъ ея сторонахъ, отозвавшаяся во всѣхъ слояхъ населенія? Война не могла не затронуть дѣтскую душу даже тамъ, гдѣ она не коснулась прямымъ образомъ населенія. Независимо отъ того, что едва-ли есть много семействъ, которыя не связаны никакими личными нитями съ войной (черезъ родныхъ

или знакомых, ушедших на войну),—постоянные разговоры о войнах, забота о раненых, о пострадавших от войны—все это врывается въ дѣтское сознание, ставитъ новые вопросы, раскрываетъ новыя стороны жизни, вызываетъ напряженную работу души. Дѣти, конечно, едва ли могутъ и сознавать все, что вноситъ война въ ихъ душу,—оттого и трудно заглянуть въ ихъ внутреннюю жизнь. Анкетный методъ изслѣдованія, со всѣми присущими ему недостатками, остается къ сожалѣнію единственнымъ, сравнительно точнымъ методомъ, могущимъ пролить хоть какой нибудь свѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ дѣтскихъ садахъ, школахъ и очагахъ при Киевскомъ Фребелевскомъ Институтѣ воспитывается около 120 дѣтей. Хотя обслѣдованіе такого числа дѣтей не можетъ рассчитывать на безусловную типичность картины, которая должна раскрыться при этомъ, но должно отмѣтить и то, что обслѣдованіе и 120 дѣтей уже очень трудно. Для того, чтобы данныя обслѣдованія имѣли объективное значеніе, необходимо, чтобы оно было произведено за одинъ день, чтобы дѣти опрашивались по одиночкѣ, чтобы опрошенные дѣти не встрѣчались съ тѣми, которыя еще не были опрошены. Все это элементарныя условія научно-состоятельной анкеты, и безъ соблюденія ихъ совершенно невозможно пользоваться данными, полученными при обслѣдованіи¹⁾. Имѣя это въ

---

¹⁾ Не могу здѣсь же не указать на то, что при несоблюденіи указанныхъ условій цѣнность анкеты становится крайне ничтожной. Къ сожалѣнію даже одинъ почтенный педагогическій журналъ, образовавшій особую комиссію для составленія анкетнаго листа,—не говоря о цѣломъ рядѣ другихъ анкетъ подобнаго рода, насколько можно судить по опубликованнымъ въ газетахъ свѣдѣніямъ,—ставитъ анкету въ условія, исключая возможность научнаго использования ея. Получается такое впечатлѣніе, что психологическими анкетами занимаются люди, совершенно неподготовленные къ дѣлу и упрощенно представляющие себѣ научное изслѣдованіе. Пора поднять протестъ противъ этого небрежнаго отношенія къ психологіи! Результаты ненаучно поставленныхъ анкетъ могутъ, конечно, быть практически очень цѣнными, но грустно думать, что у насъ такъ много научной небрежности и недопустимаго упрощенія приѣмовъ изслѣдованія.

виду, я обратился къ руководительницамъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Фребелевскомъ Институтѣ за помощью. Мы всѣ вмѣстѣ обсудили анкетный листъ, работали наиболѣе, какъ намъ казалось, пригодныя формулы и распредѣлили свои роли такъ, что на каждого человѣка приходилось 10—12 дѣтей. Кромѣ того, каждое лицо, производившее обследованіе, должно было пригласить одну или двѣ слушательницы Фребелевскаго Института, такъ что вопросы задавались однимъ лицомъ (по печатному тексту анкеты), а отвѣты записывались съ возможной точностью другимъ лицомъ. Лицо, задававшее вопросы, тоже записывало отвѣты, такъ что для громаднаго большинства дѣтей мы имѣемъ два текста, что весьма облегчаетъ контроль надъ обследованіемъ. Я лично не взялъ на свою долю ни одной группы дѣтей, чтобы имѣть возможность быть всюду. Благодаря содѣйствію слушательницъ удалось изолировать дѣтей такъ, какъ это нужно было; опрошенныя дѣти отпустились домой такъ, что они не имѣли никакого общенія съ остальными дѣтьми. Все обследованіе было выполнено въ одинъ день между 1—5 ч. дня; всего получено 94 анкетныхъ листа, вмѣсто 120. Это несоотвѣтствіе дѣйствительнаго числа анкетныхъ листовъ тому числу, какого мы ожидали, объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя дѣти отсутствовали, нѣсколько же малышей (изъ очага), благодаря своему возрасту, не подверглись обследованію.

Сложная и громоздкая обстановка одновременнаго обследования 94 дѣтей не помѣшала анкетѣ только благодаря любезному вниманію моихъ сотрудницъ, которымъ и приношу здѣсь глубокую благодарность за понесенный ими трудъ.

Текстъ анкеты былъ составленъ съ такимъ расчетомъ, чтобы выяснитъ два основныхъ вопроса: 1) что думаютъ и знаютъ дѣти о войнѣ и 2) какъ они относятся къ ней. Кромѣ того, необходимо было поставить рядъ вопросовъ, которые должны были охарактеризовать данное дитя во внѣшнихъ условіяхъ его жизни, выяснитъ семейныя условія

его жизни, указать источники тѣхъ мыслей и знаній, какія у нихъ могли оказаться. Въ окончательной формѣ анкетный листъ принялъ такую форму:

Опросный листъ.

(имя, фамилія).

1) Сколько тебѣ лѣтъ?	
2) Жилъ ли все время въ Кіевѣ или раньше жилъ въ другомъ мѣстѣ, въ послѣднемъ случаѣ давно ли въ Кіевѣ?	
3. Сколько человѣкъ въ семьѣ, живущихъ вмѣстѣ, какого возраста?	
4) Чѣмъ занимаются родители? (Если отецъ на войнѣ, чѣмъ онъ занимался до войны)?	
5) Есть ли кто изъ родныхъ на войнѣ?	
6) Читаютъ ли дома газету (или слушаютъ чтеніе ея внѣ дома)?	
7) Откуда узнаешь о войнѣ (если изъ разговоровъ, то съ кѣмъ)?	
8) Любишь ли разговоры о войнѣ?	
9) Видѣлъ ли картины о войнѣ и гдѣ?	
10) Хотѣлъ ли бы послушать сказки о войнѣ?	

1) Видѣлъ ли войну въ кинематографѣ?

2) Играешь ли въ войну и чѣмъ бываешь въ этой игрѣ?

3) Давно ли идетъ война?

4) Были ли раньше войны и какія?

5) Знаешь ли, какіе народы воюють другъ съ другомъ?

6) Знаешь ли, гдѣ идетъ война?

7) Далеко ли это отъ Кіева?

8) Много ли солдатъ на войнѣ у насъ?

9) Много ли солдатъ на войнѣ у враговъ?

10) Кто началъ войну?

11) Зачѣмъ идетъ теперь война?

12) Кто такіе славяне, (славяне ли— поляки, русскіе) и отъ чего ихъ освобождаютъ?

13) Какая разница между австрійцами и нѣмцами.

14) Видалъ ли плѣнныхъ?

15) Чѣмъ убиваютъ на войнѣ?

1) Кого называют храбрымъ?	
2) Хорошо ли поступаютъ съ нами враги?	
3) Слѣдуетъ ли и намъ такъ поступать?	
4) Видалъ ли раненыхъ?	
5) Хочешь ли, чтобы шла война и почему?	
6) Страшно ли тебѣ отъ войны?	
7) Какъ относишься къ врагу?	
8) Слѣдуетъ ли жалѣть плѣнныхъ?	
9) Можно ли убивать жителей завоеванныхъ городовъ?	
10) Жалѣешь ли дѣтей враговъ?	
11) Хотѣлъ ли бы видѣть войну?	
12) Хорошо ли отбирать вещи у убитыхъ враговъ?	
13) Хочешь ли пойти на войну и что сталъ бы тамъ дѣлать?	

Изъ 94 дѣтей, опрошенныхъ нами, оказалось 57 мальч. и 37 дѣвочекъ. По возрастамъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Мальчики	Дѣвочки	Всего
До 6 л.	6	3	9
6 л.	14	6	20
7 л.	13	8	21
8 л.	5	2	7
9 л.	4	12	16
10 л.	2	2	4
11 л.	3	3	6
12 л.	6	1	7
13 л.	4		4
	Всего . . . 57	37	94

Большинство дѣтей, какъ мы видимъ, относится къ возрасту до 10 лѣтъ.

Изъ 66 дѣтей, давшихъ опредѣленные отвѣты (къ сокращенію, этотъ вопросъ не былъ выдѣленъ особо и я пользуюсь здѣсь косвенными данными)—у 42 (т. у 65,5%) мать остается дома весь день, у остальныхъ мать внѣ дома весь день. Большинство принадлежитъ къ многосемейному слою (69% входятъ въ семьи, въ которыхъ не меньше 5 человекъ). Кстати сказать, чаще всего (21%) встрѣчаются семьи въ 5 человекъ. Вотъ точныя данныя о семейномъ положеніи дѣтей:

Въ семьѣ чело- вѣкъ.	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Неиз- вѣстн.
Число дѣтей изъ семьи кажд. типа.	4	10	14	19	12	14	11	5	1	4

Соціальное положеніе дѣтей видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Абсолютн. число.	%
Дѣти рабочихъ	34	42
„ прислуги	25	31
„ ремесленниковъ.	13	16
„ торговцевъ	5	6
„ чиновниковъ	4	5

Дѣти прислуги, стоящія ближе къ интеллигентному классу, и дѣти чиновниковъ даютъ вмѣстѣ 36%.
 Такимъ образомъ анкета охватываетъ почти исключительно демократическіе слои городского населенія. Надо замѣтить, что 73% опрошенныхъ дѣтей принадлежать къ чистымъ питомцамъ города.

У 29% дѣтей нѣтъ совсѣмъ близкихъ на войнѣ, у 50% одинъ родственникъ (большею частью отецъ) на войнѣ, у 16%—2, у 5%—3 и больше родныхъ на войнѣ.

Прежде чѣмъ знакомиться съ тѣмъ, что знаютъ и что думаютъ дѣти о войнѣ, необходимо было выяснитъ источникъ ихъ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, общій характеръ вопро-

совѣ не далъ возможности установить, хотя бы въ нѣсколькихъ конкретныхъ фактахъ, зависимость тѣхъ или иныхъ мыслей дѣтей отъ опредѣленнаго источника. Не слѣдуетъ забывать, что установленіе точнаго источника тѣхъ или иныхъ мнѣній, какъ ни заманчиво оно съ широкой общественной и педагогической точки зрѣнія, очень часто совершенно невозможно, даже при біографическомъ методѣ обследованія. Полученныя нами путемъ анкеты данныя не теряютъ однако своего интереса. Оказалось, что письма съ войны, какъ источникъ свѣдѣній о войнѣ, упоминаются только у 10%; газетными свѣдѣніями (непосредственно или отъ другихъ лицъ, читающихъ газеты) пользуются 41%; у громаднаго за то большинства (64%), основнымъ источникомъ свѣдѣній являются разговоры. Интересно отмѣтить, что любовь къ разговорамъ о войнѣ проявляетъ 74%, причемъ до 8 л. эти разговоры любятъ 70%, а послѣ 8 л.— 79%. Нельзя тутъ же не отмѣтить нѣкоторыхъ подробностей. Одинъ мальчикъ 7 лѣтъ заявляетъ, что онъ любитъ разговоры о войнѣ только тогда, когда наши германцевъ бьютъ. Дѣвочка 7 лѣтъ заявляетъ: я люблю разговоры о войнѣ, но когда я слушаю, мнѣ становится нехорошо, мнѣ жалко. Дѣвочка 8 лѣтъ съ грустью заявила: люблю разговоры о войнѣ, но не съ кѣмъ разговаривать: мальчики только дерутся. Мальчуганъ 8 лѣтъ рассказалъ, что онъ однажды не спалъ всю ночь, слушая рассказы отца о войнѣ. Одна дѣвочка 9 лѣтъ любитъ разговоры о войнѣ, такъ какъ ей интересно, сколько наши берутъ германцевъ въ плѣнъ. Любопытны еще слова одной дѣвочки 10 лѣтъ: раньше я боялась разговаривать о войнѣ, думала, что война будетъ въ городѣ, теперь не боюсь. Изъ дѣтей, не любящихъ разговоры о войнѣ, любопытно отмѣтить слова одной дѣвочки 9 лѣтъ, что ей страшно отъ этихъ разговоровъ. Одна дѣвочка 11 лѣтъ тоже не любитъ ихъ, такъ какъ ей жаль людей, которыхъ убиваютъ: у нихъ вѣдь остаются дѣти. 12 лѣтній мальчуганъ рѣшительно заявилъ: не люблю разговаривать о войнѣ, никогда не разговариваю. Нашелся и одинъ юный скептикъ 12 лѣтъ, который заявилъ, что не вѣритъ газетамъ, которыя пишутъ неправду; поэтому онъ не любитъ разговоры о

войнѣ, но ждетъ брата съ войны, который разскажетъ ему всю правду, когда вернется.

Сказки о войнѣ хотѣло бы послушать 85⁰/₀, причемъ до 7 л. не желаетъ ихъ слушать 18,5⁰/₀, а отъ 7 лѣтъ—10,8 (интересъ, очевидно, возрастаетъ), но съ 11 лѣтъ интересъ къ сказкамъ о войнѣ, повидимому, снова падаетъ, такъ какъ не желаетъ слушать ихъ уже 17,5⁰/₀. Интересно, что одинъ мальчуганъ 6 лѣтъ, на вопросъ, любитъ ли онъ сказки о войнѣ, отвѣтилъ: боюсь. Какъ это характерно для дѣтскаго сознанія съ его неумѣніемъ отдѣлять дѣйствительное отъ воображаемаго! Сказка для дѣтскаго сознанія не только объектъ художественнаго наслажденія; она вызываетъ въ дѣтяхъ такую же работу души, тотъ же эмоціональный отзвукъ, что и дѣйствительность. Кстати сказать, здѣсь между прочимъ лежатъ корни весьма распространеннаго отрицанія эстетическихъ переживаній у дѣтей. Дѣти дѣйствительно не умѣютъ вступать въ тѣ отношенія къ предмету эстетическаго воспріятія, какія свойственны взрослымъ; дѣтская эстетика совершенно не допускаетъ характеристики объектовъ эстетическихъ переживаній, какъ „иллюзорныхъ“. Вотъ отчего сказка такъ близка для нихъ къ дѣйствительности, вотъ отчего они могутъ бояться сказочныхъ ужасовъ не менѣе, а можетъ быть болѣе реальныхъ ужасовъ. Намъ часто еще придется встрѣчаться съ этимъ удивительнымъ сплетеніемъ дѣйствительнаго и воображаемаго... Высоко любопытны въ этомъ отношеніи слова упомянутаго скептика: я хотѣлъ бы послушать сказки о войнѣ, но только правду! Въ томъ же тонѣ звучитъ и отвѣтъ одной дѣвочки 11 лѣтъ, которая не любитъ сказокъ о войнѣ, такъ какъ ей жалко людей. Какъ курьезъ, отмѣчу еще слова одного школьника 11 лѣтъ: не хочу слушать сказокъ о войнѣ,—я читаю Пушкина!

Въ кинематографѣ видѣли войну только 30⁰/₀, но картинки, изображающія войну, видѣли 76⁰/₀, причемъ до 10 лѣтъ картинки видѣли 74⁰/₀, а послѣ 10 лѣтъ 81⁰/₀,—интересъ къ картинкамъ очевидно возрастаетъ.

Чрезвычайно интереснымъ представлялось намъ выяснить, какое мѣсто занимаетъ война въ играхъ дѣтей. Если

въ играхъ слѣдуетъ видѣть, согласно взгляду новѣйшей психологiи, основную дѣятельность дѣтей, то пожалуй отраженіе войны въ дѣтскихъ играхъ должно было бы составить главную тему нашего обследованія. Но съ этимъ пришлось бы согласиться лишь въ томъ случаѣ, если бы принимать тезисъ современной психологiи дѣтства въ узкомъ его пониманіи. Когда характеризуютъ дѣтство, какъ періодъ игръ ¹⁾, то подъ этимъ слѣдуемъ разумѣть игры не только въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и всякую иную дѣятельность, объектъ которой выходитъ за предѣлы дѣйствительнаго міра. Такъ, дѣтское творчество, поскольку оно проявляется напр. въ рисованіи, лѣпкѣ, вырѣзываніи и т. д., совершенно совпадаетъ съ психологiей игры, взятой въ узкомъ смыслѣ слова. Дѣти творятъ именно постолько, поскольку они играютъ, поскольку реальное преобразуется черезъ творчество въ идеальное, становится выраженіемъ творческаго замысла. Психологiя игры представлена въ дѣтяхъ поэтому шире, чѣмъ кажется; игры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова являются лишь специализованными, застывшими формами этой психической дѣятельности. Поэтому, если правильно, что наиболѣе глубокое выраженіе вліянія войны на дѣтскую психику мы должны встрѣтить въ играхъ вообще, то это не значитъ, что это вліяніе должно выступить именно въ играхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Не задаваясь трудной задачей, совершенно не поддающейся обследованію путемъ анкеты,—выяснить вліяніе войны на игры, я ставилъ себѣ цѣлью выяснить лишь одинъ частный, хотя и очень важный вопросъ,—какое мѣсто война занимаетъ въ играхъ дѣтей. Изъ опрошенныхъ дѣтей играетъ въ войну только 61%, причемъ среди мальчиковъ играетъ 79%, среди дѣвочекъ—52%. Среди мальчиковъ до 11 лѣтъ играетъ 88%, а послѣ 11 л. всего 46%, у дѣвочекъ же этотъ переломъ обнаруживается въ 9 лѣтъ: до 9 лѣтъ играетъ 50%, а послѣ 9 лѣтъ всего 18%! Въ военныхъ играхъ дѣтей, конечно, отражаются современные событія: не только

---

1) См. наиболѣе яркое выраженіе этого въ трудахъ Гросса.

врагами оказываются всегда нѣмцы, турки и т. п., но и численное превосходство почти всегда оказывается на сторонѣ русскихъ, въ плѣнъ попадаютъ главнымъ образомъ нѣмцы и австрійцы. Есть дѣти, которые всегда играютъ русскихъ; „играю въ войну, заявила одна дѣвочка, и бываю всегда Россія“.

Въ высокой степени любопытны отдѣльные штрихи, вскрывающіе знакомое намъ сплетеніе реального и воображаемаго не только въ сознаниі, но и въ играхъ дѣтей. Такъ, одна дѣвочка указала, что она не играетъ въ войну, такъ какъ мальчики ужасъ что дѣлаютъ въ игрѣ: царапаются, дерутся. Одинъ мальчуганъ, словно въ подтвержденіе этого, рассказалъ, какъ онъ, играя съ товарищами, отнял у своихъ „враговъ“ палку, да такъ и не отдалъ до сихъ поръ, „хотя они жаловались дворнику“. Но лучше всего заявленіе одного мальчика 9 лѣтъ: „раньше мы играли, а теперь не играемъ, такъ какъ говорятъ, что мы все играли и черезъ это война вышла“. Интересно отмѣтить еще одного мальчугана 8 лѣтъ, который очень драматически рассказывалъ объ игрѣ въ войну; упомянувъ, что у нихъ бываютъ „раненые“, которыхъ подбираетъ „Красный Крестъ“, мальчикъ добавилъ чрезвычайно характерную фразу: „но на Красный Крестъ мы не нападаемъ!“.—Слѣдуетъ отмѣтить, что значительная часть дѣтей любитъ быть солдатами, но есть дѣти (22%), которые предпочитаютъ быть офицерами и генералами; у нѣкоторыхъ дѣтей очень ярко выражена любовь командовать, разставлять дѣтей, распорядиться ими. Не можемъ не привести жалобныя слова одного мальчугана: люблю быть офицеромъ, но всегда бываю солдатомъ...

Переходя къ тому, что знаютъ и думаютъ дѣти о современной войнѣ, остановимся прежде всего на выясненіи того, знаютъ ли дѣти о какихъ нибудь другихъ войнахъ. Оказалось, что о другихъ войнахъ знаетъ лишь 64%; 29% не слышало ничего о другихъ войнахъ, кромѣ настоящей, а 7% рѣшительно заявили, что раньше войнъ и не было. Первая группа въ отношеніи ко второй до 9 лѣтъ состав-

ляетъ всего 57⁰/₀, послѣ же 9 л.—90⁰/₀. Конечно, свѣдѣнія о другихъ войнахъ почти исключительно относятся къ русско-японской войнѣ.—На вопросъ, гдѣ идетъ война, опредѣленно отвѣтили 17⁰/₀,—19⁰/₀ отвѣтили неопредѣленно („далеко“), остальные же 64⁰/₀ сказали, что не знаютъ, гдѣ идетъ война. Последняя группа до 9 лѣтъ составляетъ 68⁰/₀, послѣ 9 лѣтъ всего 33⁰/₀. Не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отвѣтахъ. Такъ, одинъ мальчуганъ 5 л. заявилъ, что война идетъ около казармъ ¹⁾, но что это далеко, такъ какъ пока папа придетъ домой, у него ноги заболѣять. По словамъ другого мальчика, война идетъ далеко, тамъ, гдѣ паровозы ходятъ. По мнѣнію мальчика 6 л. война идетъ „на дворѣ“, по мнѣнію другого „на полянкѣ“. Одинъ мальчуганъ считаетъ, что война идетъ далеко,—такъ какъ ее не слышно, а только въ газетѣ пишутъ о ней“. Но другой думаетъ, что уже въ Святошинѣ ²⁾ слышно войну, такъ какъ война идетъ „на турецкомъ базарѣ“ (?). У очень многихъ на устахъ названія, которыя чаще всего встрѣчались въ газетахъ въ послѣднее время,—Львовъ, Перемышль, Черное море, Кавказъ. 8-лѣтній мальчуганъ забавно сказалъ: „война идетъ капельку дальше отъ Кіева“.

По вопросу о томъ, какіе народы участвуютъ въ войнѣ, оказалось, что 62⁰/₀ знаютъ объ участіи Германіи, 51⁰/₀—объ участіи Австріи, 39⁰/₀—Турціи, 22⁰/₀—Франціи, 18⁰/₀—Англіи, 14⁰/₀—Сербіи, 12⁰/₀—Японіи, 9,5⁰/₀—Бельгіи; 21⁰/₀ ничего не отвѣтили на вопросъ, какіе народы участвуютъ въ войнѣ. Одинъ сказалъ даже, что русскіе воюютъ съ японцами, нѣкоторые считаютъ нѣмцевъ и германцевъ разными народами. Одинъ 7 лѣтній мальчуганъ считаетъ, что Турція за насъ, а не противъ насъ; другой на вопросъ, какіе народы участвуютъ въ войнѣ, отвѣтилъ: офицеры, солдаты (онъ же на вопросъ, какія раньше были войны, отвѣтилъ: офицерскія). Одинъ 9 лѣтній мальчуганъ думаетъ, что Австрія завоевала Бельгію, которая не хотѣла пропустить ее. Другой мальчикъ

---

¹⁾ Казармы находятся на краю города.

²⁾ Святошинъ находится въ 6 верстахъ отъ Кіева.

9 лѣтъ считаетъ, что за насъ не то Швеція, не то Швейцарія. Швецію и Америку впутываетъ въ войну еще одинъ мальчикъ 10 лѣтъ, Италію впутываетъ мальчикъ 12 лѣтъ. Одинъ мальчикъ 13 лѣтъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Америка выѣхала противъ Турка, но прибудеть въ мартъ, такъ какъ ей нужно ѣхать черезъ океанъ“. Необходимо отмѣтить, что о славянахъ ничего не знаетъ 81⁰/₀; переходнымъ возрастомъ здѣсь является 10 лѣтъ. До 10 лѣтъ ничего не знаютъ о славянахъ 94⁰/₀, послѣ же 10 лѣтъ—только 27⁰/₀! Конечно, въ этомъ слѣдуетъ видѣть вліяніе школы.— Громадное большинство дѣтей не считаетъ русскихъ славянами. Любопытны слова одного мальчика 10 лѣтъ: „я знаю, кто такіе славяне—это старинные (?) люди“. Очевидно, здѣсь имѣютъ мѣсто какія то книжныя ассоціаціи.

Между германцами и австрійцами проводятъ различія только 27⁰/₀. Одинъ мальчуганъ 5 лѣтъ считаетъ, что германцы ходятъ въ черныхъ, а австрійцы—въ синихъ мундирахъ. По мнѣнію другого 7 лѣтняго мальчугана, у германцевъ—серебрянныя шапки (каска?), у австрійцевъ—мѣдныя. Еще одинъ странный отвѣтъ мальчика 6 лѣтъ: „у нѣмцевъ ротъ открытъ, а у австрійцевъ—нѣтъ“. 7 лѣтній мальчикъ, считающій, что различіе между австрійцами и германцами въ языкѣ, думаетъ, что всѣ австрійцы говорятъ по славянски. Другой считаетъ, что нѣмцы „старше“ (?) австрійцевъ. Мальчикъ 8 лѣтъ высказалъ мнѣніе, что нѣмцы не молятся, а австрійцы молятся. Одинъ 12 лѣтній мальчуганъ выразился такъ: „германцы наши враги, ихъ царь—звѣрскій человѣкъ, онъ мучитъ русскихъ, а про австрійцевъ ничего не слышно“.

По вопросу о числѣ нашихъ войскъ господствуютъ самыя неопредѣленныя мнѣнія. Нѣкоторыя дѣти отвѣчали общими, неопредѣленными словами („много“, „довольно много“), тѣ же, которыя пытались дать цифровыя данныя, давали самыя разнорѣчивыя показанія. Нѣкоторые малыши обнаружили напр. чрезвычайную слабость числовыхъ понятій; такъ, одна пятилѣтняя дѣвочка считаетъ, что у насъ три (!) солдата; ту же цифру назвала и одна дѣвочка 6 лѣтъ. Другая дѣвочка (6 лѣтъ), считающая, что у насъ много солдатъ,

назвала число—20. Мальчикъ 6 л. считаетъ, что у насъ 200 солдатъ. Одинъ 8 лѣтній мальчуганъ такъ выразился: „много у насъ солдатъ, но я ихъ не считалъ“. Всѣ отвѣты этого рода ярко характеризуютъ слабое развитіе числовыхъ понятій у дѣтей. Но одно усвоеніе высшихъ числовыхъ понятій не предохраняетъ отъ фантастики. Такъ, по мнѣнію одного 11 лѣтняго мальчика у насъ 15 милліоновъ солдатъ, по мнѣнію другого—25 милліоновъ. По вычисленіямъ школьника 13 лѣтъ, у насъ 20 милліоновъ корпусовъ, въ каждомъ по 2000 человекъ. Въ такую же крайность впалъ и одинъ малышъ 6 лѣтъ, считающій, что Россія выставила 500 милліоновъ солдатъ и столько же лошадей.—Численность врага дѣти представляютъ столь же неопредѣленно, хотя очень часто дѣти высказываютъ общее убѣжденіе, что мы сильнѣе враговъ.

Чрезвычайно любопытно было выяснить, какъ представляютъ себѣ дѣти причину и цѣль войны. Изъ 87 опредѣленныхъ отвѣтовъ—32 (т. е. 37%) падаетъ на долю не знающихъ причины войны, 37% считаютъ, что войну начала Германія, 21%—что ее начала Австрія; 5 человекъ (1 до 6 л., 2—6 лѣтъ, 1—7 лѣтъ и 1—9 лѣтъ) считаютъ, что войну начала Россія. До 9 лѣтъ число не знающихъ, кто началъ войну составляетъ 46%, 33% считаютъ, что ее начала Германія, 12,5% считаютъ что Австрія, 8,5% считаютъ, что Россія,—а послѣ 9 лѣтъ о причинѣ войны ничего не знаютъ 22%, виновницей войны считаютъ Германію—50%, Австрію—38%, Россію—никто. Изъ дѣтей, считающихъ, что войну начала Россія, дѣвочка 6 лѣтъ считаетъ, что войну начали солдаты (очевидно, она просто не поняла смысла поставленнаго ей вопроса), дѣвочка 5 лѣтъ считаетъ, что войну начали солдаты, и кромѣ того Шура и Сережа. Такая же фантастика встрѣчается и у другихъ дѣтей. Такъ, одинъ мальчикъ 6 лѣтъ считаетъ, что войну начали малыши, а другой весьма опредѣленно заявилъ: „войну начали Колька да я“.

Какъ характерно выступаетъ издѣсь неумѣніе отдѣлать реальное отъ воображаемаго! Если дѣти много выигрываютъ отъ того, что значительную долю своего вниманія они отдають воображаемому, то съ другой стороны какой туманъ нависъ

надъ ихъ бѣдными головками! Не будемъ однако въ одни скобки включать и типичное для дѣтства смѣшеніе дѣйствительности фантастики и характерную только для обследуемыхъ нами дѣтей слабую освѣдомленность въ вопросахъ, относящихся къ войнѣ. Поэтизація дѣйствительности, присущая дѣтямъ не только не связана фактически съ ихъ „невѣжествомъ“, но и по существу совершенно независима отъ него. Если дѣти могутъ думать, что они своими играми вызвали войну, то это одно, а если они думаютъ, что „славяне—старинные люди“, что „русскіе—не славяне“, что „у нѣмцевъ ротъ открытъ, а у австрійцевъ нѣтъ“, что мы выставили 20 милліоновъ корпусовъ по 2000 въ каждомъ,—то это совсѣмъ уже другое. Сплетеніе дѣйствительнаго и воображаемаго покоится на глубочайшихъ особенностяхъ дѣтства и по существу неустранимо, тогда какъ темнота дѣтскаго ума и отсутствіе точныхъ свѣдѣній ничего неустранимаго въ себѣ не имѣетъ...

Въ высокой степени любопытно выяснитъ, какъ дѣти представляютъ себѣ цѣли войны. До 9 лѣтъ на вопросы о цѣляхъ войны не могли ничего отвѣтить 90⁰/₀, а послѣ 9 л. только 10⁰/₀. Изъ отдѣльныхъ отвѣтовъ достойны того, чтобы быть отмѣченными, слѣдующіе.—Мальчуганъ 5 лѣтъ на вопросъ о цѣляхъ войны („зачѣмъ идетъ война?“) далъ философскій отвѣтъ: нужно же солдатамъ воевать, вотъ они и воюютъ; въ такую же философію ударила и дѣвочка 5 лѣтъ, считающая, что война идетъ затѣмъ, чтобы въ городѣ не было много людей. Болѣе фантастично и непонятно сужденіе мальчика 7 лѣтъ, по мнѣнію котораго война идетъ затѣмъ, чтобы было много раненыхъ. Философски понимаетъ смыслъ еще одинъ малышъ, считающій, что это съ Богомъ діаволъ борется; очевидно, здѣсь сказывается вліяніе чьихъ то рѣчей.

Болѣе конкретно мыслятъ о войнѣ другія дѣти, конечно въ связи съ извѣстными имъ фактами. Одинъ мальчуганъ 7 л. заявилъ, что „Сербія (!) убила австрійскаго наслѣдника“, но почему Россія ведетъ войну съ Австріей—сказать не могъ. Вотъ еще любопытная варіація на ту же

тому—мысли мальчика 9 л., который рассказал, что два русских (!) гимназиста ѣхали въ поѣздѣ и убили австрійскаго наслѣдника; оттого и пошла война. Но чаще всего мысль дѣтей останавливается на территоріальныхъ планахъ нѣмцевъ и австрійцевъ. „Хотѣли австрійцы Кіевъ взять, оттого и война“, замѣтилъ одинъ мальчикъ 7 л. Такъ же думаетъ напр. дѣвочка 9 л., которая полагаетъ, что Австрія хочетъ побольше земли, хочетъ взять Кіевъ; другая дѣвочка выразила ту же мысль въ такой формѣ: „Австрія хотѣла забрать Россію“. Многіе дѣти считаютъ, что нѣмецъ началъ войну, такъ какъ хочетъ земли, а Турку нѣмецъ заплатилъ—оттого и Турокъ воюетъ. Встрѣчается иногда у дѣтей также указаніе на политическія цѣли войны; такъ, по наивному выраженію одного мальчика 10 лѣтъ, воюють, чтобы узнать, кто кого сильнѣе, кто кого побѣдитъ. „Англія и Франція хотятъ, чтобы не было Германіи“, увѣряетъ одинъ школьникъ 12 лѣтъ. Другой договаривается до такой мысли: хотѣть, чтобы по всей землѣ былъ одинъ царь.

Интересно тутъ же отмѣтить, что понятіе храбрости знакомо лишь 50%,—причемъ до 9 лѣтъ знакомы съ этимъ понятіемъ 40%, а послѣ 9 лѣтъ—90%. Въ образецъ храбрости очень часто приводятъ Кузьму Крючкова, вообще казаковъ.—Всѣ почти дѣти (94%) видѣли раненыхъ, очень многіе (68%) видѣли плѣнныхъ.

Такова картина того, что знаютъ и думаютъ дѣти о войнѣ. Картина эта неприглядна и свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ свѣдѣній у дѣтей даже школьнаго возраста. Дѣти выступаютъ въ настоящей анкетѣ слишкомъ неподготовленными для пониманія тѣхъ великихъ событій, которыя нынѣ совершаются; ихъ умъ питается часто самыми фантастическими слухами, (напр. слухъ о двухъ русскихъ гимназистахъ, убившихъ австрійскаго наслѣдника). Нельзя съ глубокой скорбью не отмѣтить тотъ фактъ, что даже городскія дѣти живутъ въ такой неприглядной темнотѣ; что же сказать о дѣтяхъ деревни,—какъ они представляютъ себѣ грандіознѣйшую катастрофу нашего времени? Какъ бы тамъ ни было, но благодѣтельное вліяніе великаго потрясенія на

нашу жизнь будетъ находиться въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ восприметъ и пойметъ великую войну народная душа...

Обратимся теперь къ другой группѣ данныхъ, освѣщающихъ вопросъ о томъ, какъ относятся дѣти къ войнѣ, какъ они воспринимаютъ ее эмоционально, какъ реагируютъ на нее.—Коснемся прежде всего того, какъ оцѣниваютъ дѣти отношеніе къ намъ нашихъ враговъ. 73⁰/₀, т. е. громадное большинство дѣтей считаетъ, что нѣмцы относятся къ намъ плохо. Вотъ что сказалъ въ поясненіе этого одинъ мальчикъ 7 л.: нѣмцы даютъ нашимъ такія папиросы, что когда наши закурятъ, то все лицо обжигаетъ.—Послѣ этого былъ поставленъ такой вопросъ: слѣдуетъ ли и намъ такъ же относиться къ врагамъ. 40⁰/₀ дѣтей считаетъ, что не слѣдуетъ такъ относиться, 30⁰/₀—что слѣдуетъ, остальные не могли ничего отвѣтить на этотъ вопросъ. Любопытно, однако, что до 9 л. суровое отношеніе рекомендуютъ 55⁰/₀, а послѣ 9 л.—только 20⁰/₀! Вотъ нѣкоторые комментаріи къ тѣмъ суровымъ мнѣніямъ, которыя высказывали дѣти по затронутому вопросу.—Если съ ними такъ не поступать, заявила одна дѣвочка 9 л., то австрійцы заберутъ Россію, а этого Царь не хочетъ,—да и я не хочу, добавила она послѣ. Мысль, что суровость связана съ самымъ существомъ войны, что она вытекаетъ изъ ея логики,—очень часто встрѣчается у дѣтей, о принципиальной же защитѣ жестокости нѣтъ и слова. „Они вѣдь напали на насъ, заявилъ мальчикъ 9 л. Если бы они не напали, мы должны были бы хорошо относиться къ нимъ“.—„Зачѣмъ онъ на насъ напалъ, рассуждаетъ другой мальчикъ: шель бы къ намъ въ плѣнъ, а то онъ отбивается“. Любопытны слова одной дѣвочки 9 л.: „мы не такъ поступаемъ, какъ австрійцы; мы ихъ хорошо кормимъ. Папа говоритъ, что наше государство не можетъ плохо поступать“. Какъ прекрасны эти слова, съ дѣтской наивностью, но и съ дѣтской чистотой раскрывающія лучшія движенія патріотизма!—„Мы добрѣе къ австрійцамъ, чѣмъ они къ намъ“, подтверждаетъ еще одна дѣвочка. Любопытны

еще слова одного мальчика 10 л.: „намъ нельзя плохо относиться къ врагамъ, мы не такіе люди, какъ они—они рѣжутъ языки, мучатъ: они некрещенные, а мы крещенные!“ Сь удивительной религіозной твердостью стоять за гуманное отношеніе къ врагу и другія дѣти. „Нельзя плохо относиться къ врагамъ, думаетъ мальчикъ 11 лѣтъ: мы знаемъ, что есть Богъ, а они не знаютъ“. „Надо хорошо относиться къ врагу, слышимъ мы еще отъ одного мальчика 13 лѣтъ,— надо заповѣди Господни исполнять“.

Вотъ еще нѣкоторыя данныя, характеризующія отношеніе дѣтей къ врагамъ. Чтобы данныя эти выступили болѣе выпукло, я сообщу ихъ суммарно сразу, а болѣе детальную характеристику отдѣльныхъ данныхъ дамъ позже. На вопросъ, слѣдуетъ ли жалѣть плѣнныхъ, 47,5% считаетъ, что слѣдуетъ, остальные болѣе суровы, причемъ до 9 лѣтъ суровыхъ 64%, послѣ 9 лѣтъ—всего 19%. На вопросъ, жалко ли имъ дѣтей враговъ, 61% отвѣтили, что они жалѣютъ ихъ, остальные нѣтъ, причемъ до 9 л. состраданіе встрѣчается у 50%, послѣ 9 л.—у 95%! На вопросъ, можно ли убивать мирныхъ жителей завоеванныхъ городовъ, 82% высказались противъ этого, остальные 18% суровы. Необходимо добавить, что до 9 л. суровыхъ 22%, а послѣ 9 л. всего 10%. По вопросу, можно ли отнимать вещи у убитыхъ враговъ—94% считаютъ это нехорошимъ.

Картина, которая развертывается передъ нами, высоко поучительна; она свидѣтельствуетъ о природной, искренней гуманности нашихъ дѣтей,—и это впечатлѣніе еще болѣе усилится, если перейти къ деталямъ, къ отдѣльнымъ даннымъ. Мы не можемъ, конечно, даже приблизительно вызвать то отрадное впечатлѣніе, которое оставляетъ непосредственное знакомство съ этими частями анкеты,—но все же нѣкоторые штрихи высоко знаменательны.

Мы видѣли, что по вопросу объ отношеніи къ плѣннымъ категорически высказались за гуманное отношеніе 47,5%; но и остальные часто считаютъ суровое отношеніе къ плѣннымъ логически связаннымъ съ войной и никакого озлобленія не чувствуютъ. Характерны въ этомъ отношеніи слова одного мальчугана 5 лѣтъ: „хотя плѣнныхъ не стоитъ (!)

жалѣть, но мнѣ капельку жалко ихъ“. Малышъ же 6 лѣтъ опредѣленно заявилъ, что нѣмцевъ ему совершенно не жалко, а австрійцевъ жалко. Мальчуганъ 10 л., считающій, что плѣнныхъ жалѣть не слѣдуетъ, съ непередаваемымъ выраженіемъ добавилъ: „а все Вильгельмъ! Если бы его не было, не было бы и плѣнныхъ“. Дѣвочка 11 лѣтъ считаетъ, что жалѣть плѣнныхъ, конечно, слѣдуетъ, „такъ какъ они такіе же люди, какъ и мы, только у нихъ Бога нѣтъ“. А вотъ разсужденія 12 лѣтняго мальчика: „хотя они нашихъ не жалѣютъ, но намъ слѣдуетъ жалѣть ихъ: не они вѣдь затѣяли войну; имъ приказано, а сами они не воевали бы“. Должно отмѣтить, что эта мысль о томъ, что жестокость идетъ сверху, о неотвѣтственности солдатъ за приказанія начальниковъ, о неизбѣжной логикѣ военного дѣла, основаннаго на дисциплинѣ, очень часто встрѣчается у дѣтей, какъ основаніе ихъ гуманнаго отношенія къ врагу. „Надо жалѣть плѣнныхъ, разсуждаетъ мальчикъ 13 лѣтъ, они вѣдь кровь проливали, защищали родину свою“. Какъ отраднo встрѣтитъ у дѣтей такое благородный строй мыслей!

Жалость къ дѣтямъ враговъ встрѣчается, какъ мы видѣли, у 61⁰/₁₀₀, причемъ до 9 лѣтъ у 50⁰/₁₀₀, а послѣ 9 л. у 95⁰/₁₀₀. Это отчасти какъ бы совпадаетъ съ извѣстнымъ положеніемъ прежней психологій дѣтства о жестокости, специфически присущей дѣтскому возрасту. Но этотъ тезисъ уже давно потерялъ кредитъ въ новѣйшей психологій; такъ наз. жестокость дѣтей отчасти сводится къ слабости ихъ симпатическаго воображенія, къ ихъ неумѣнію представлять и чувствовать, что творится въ чужой душѣ, отчасти она сводится къ стремленію дѣтей „экспериментировать“ съ живыми существами (напр. домашними животными) такъ, какъ они экспериментируютъ съ вещами. Что касается суроваго отношенія изслѣдуемыхъ дѣтей къ дѣтямъ запасныхъ, то здѣсь мы имѣемъ прежде всего дѣло съ равнодушіемъ къ нимъ. „Я не видалъ ихъ“, простодушно замѣтилъ одинъ мальчикъ, сказавшій, что ему не жалко дѣтей враговъ. „Я ихъ не знаю“, твердо замѣчаетъ дѣвочка 7 лѣтъ... Съ другой стороны въ суровомъ отношеніи нашихъ дѣтей къ дѣтямъ враговъ сказывается просто един-

ство ихъ эмоціональнаго отношенія къ врагамъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны слова, вырвавшіяся у мальчика 7 лѣтъ: „Не люблю я ихъ, не хочю у ихъ жалѣть“. „Ни за что бы не игралъ ни съ австрійскими ни съ нѣмецкими дѣтьми“, замѣчаетъ еще одинъ „жестокій“ мальчикъ. Любопытно сопоставить съ этимъ слова одного мальчика 12 л.: „жалко мнѣ дѣтей, говорить, но съ ними надо обращаться серьезно (=не баловаться В.З.), но не слѣдуетъ издѣваться, такъ какъ они не виноваты; а играть съ ними все же не сталъ бы!“ Но если только дѣтская мысль достаточно сильна, чтобы вдуматься въ положеніе дѣтей враговъ, сейчасъ же возникаетъ у нихъ жалость. Дѣти особенно жалѣютъ сиротъ; дѣвочка 9 лѣтъ такъ рассуждаетъ: „мнѣ жалко дѣтей; можетъ и у нихъ отца забрали,—они ни въ чемъ не виноваты“.

Очень любопытно отношеніе дѣтей къ вопросу, можно ли у убитыхъ снимать вещи; какъ было указано выше, 94% категорически высказались противъ этого. Чрезвычайно любопытны здѣсь отдѣльные отвѣты, живо рисующіе дѣтскія переживанія. Малышъ 5 лѣтъ такъ выразился: кто съ убитога снимаетъ вещи, съ того я снялъ бы ихъ и изорвалъ. Нехорошо отбирать вещи у убитога, заявила одна дѣвочка 6 лѣтъ, а то придетъ его мама и будетъ кричать, что забрали вещи (!). Мальчикъ 7 л. гордо заявилъ, что русскіе никогда не отбираютъ вещей у убитыхъ. А вотъ интересныя мысли дѣвочки 9 лѣтъ: нехорошо отбирать вещи у убитога, думаетъ она; можетъ онъ собиралъ деньги и покупалъ, не нужно брать, пусть лучше валяется. Хоть бы и умеръ солдатъ, думаетъ мальчикъ 11 лѣтъ, а все таки вещи его собственность. Одинъ мальчуганъ такъ выразился: „неловко отбирать вещи, пользоваться ими,—а можетъ быть семья убитога голодаетъ“. Удивительно и трогательно это уваженіе къ чужому труду въ дѣтской душѣ! Многія дѣти поднимаются и до сознанія, что грѣшно отбирать чужія вещи. Мальчикъ 13 лѣтъ съ глубокой увѣренностью высказалъ мысль, что если взять вещи, то Господь накажетъ; въ томъ же духѣ думаетъ другой мальчуганъ, который замѣтилъ:

если взять вещи у убитого, они все равно въ прокъ не пойдутъ.

Такъ по разнымъ направленіямъ, въ разныхъ психическихъ условіяхъ выступаетъ передъ дѣтскимъ сердцемъ съ поразительной рельефностью заповѣдь гуманности. Какія изумительныя душевныя богатства таятся въ нашихъ дѣтяхъ!...

Агрессивное настроеніе очень рѣдко у дѣтей, съ которыми имѣло дѣло наше обследованіе: 93% не хотятъ продолженія войны. Воинственное настроеніе обнаружили только 3 малыша до 7 лѣтъ и 2—12 и 13 лѣтъ. Отсутствие воинственного настроенія у подавляющаго большинства дѣтей опредѣляется прежде всего жалостью къ роднымъ, находящимся на войнѣ, вообще къ солдатамъ. Среди мотивовъ, понижающихъ агрессивность дѣтей, встрѣчаются, конечно, и курьезные, напр.—одинъ мальчикъ жалуется, что „когда война, то все дорого“; дѣвочка 9 лѣтъ жалуется, что „съ войной въ городѣ скучно“. Нѣкоторыя дѣти очень рельефно выражали нервное напряженіе, которое принесла съ собой война; тяжесть войны утомительна для дѣтей, конечно, больше, чѣмъ для насъ. Чѣмъ жалостливѣе дитя, тѣмъ труднѣе ему... Трогательно встрѣтить въ анкетѣ слова одного малыша (7 л.), который сожалѣлъ не только людей, но и лошадей! Драгоценная черта эта останется навсегда лучшимъ выраженіемъ того, какія прекрасныя сердца у нашихъ дѣтей!

Страшно отъ войны—77%, причемъ до 9 л. чувство страха встрѣчается у 85%, а послѣ 9 л. у 57%. Видѣть военныя дѣйствія хотѣли бы 64%, причемъ до 9 л.—61%, а послѣ 9 л.—76%. Нѣкоторыхъ влечетъ къ этому любопытство; такъ, малышъ 6 л. наивно заявилъ: хочу видѣть войну, бо я еще не видѣлъ: я маленькій. Другимъ хочется поглядѣть на солдатъ, какъ они живутъ въ окопахъ, какъ складывается ихъ день. На войну итти хочетъ только 37%: должно отмѣтить, что дѣвочки здѣсь не очень отстаютъ отъ мальчиковъ; среди мальчиковъ желаетъ итти на войну 40,5%, среди дѣвочекъ 33%. Правда, не мало дѣвочекъ хочетъ итти на войну и быть тамъ сестрами милосердія, но надо замѣ-

тять, что и нѣкоторые мальчики стремятся быть санитарями на войнѣ; съ другой стороны не мало дѣвочек обнаруживаетъ настоящей воинственный пылъ. „Я пошла бы на войну, замѣтила дѣвочка 12 л., но боюсь,—а если бы пошла, то воевала бы! Убьють, такъ убьють“!

Таковы данныя, рисующія отношеніе дѣтей къ войнѣ. Конечно, нѣтъ никакихъ основаній думать, что анкетой можно извлечь наружу всѣ существенные факты, касающіеся вліянія войны на душевную жизнь дѣтей. Помимо затрудненій, связанныхъ съ тѣмъ, что посредникомъ между наблюдателемъ и испытуемыми дѣтьми становится слово, часто не приближающее, а отдаляющее одного отъ другого,—не будемъ забывать о томъ, что очень многое,—и при томъ быть можетъ самое важное—еще скрыто въ тайникахъ души, какъ сѣмя, брошенное рукой сѣятеля и не скоро имѣющее прорости. То, что бросаетъ теперь жизнь въ души дѣтей, должно еще пролежать, быть можетъ, не мало времени въ самыхъ глубокихъ тайникахъ души, чтобы прорости на верхъ сознанія и оплодотворить душевную жизнь...

Не знаю, насколько типична та картина, какую дала наша анкета, но думаю, что она съ извѣстнымъ правомъ можетъ претендовать на типичность. Дѣти, обследованныя нашей анкетой, по своему социальному, экономическому и культурному положенію, принадлежатъ къ среднему демократическому, типично городскому населенію. Вліяніе школы, если оно и могло быть, едва ли могло сказаться на результатахъ анкеты, такъ какъ въ самомъ существенномъ—образовательномъ отношеніи—вліяніе школы почти совсѣмъ отсутствуетъ, какъ мы видѣли.

Наша анкета, даетъ, какъ мнѣ кажется, право установить два основныхъ факта. Прежде всего, мы имѣемъ основаніе сказать, что война не вызвала ни взрывовъ злыхъ чувствъ, ни слѣпой самоувѣренности, ни безпощадной ненависти къ врагамъ,—война не внесла огрубѣнія въ дѣтскія души. Моральный экзаменъ дѣти наши сдали превосходно, обнаруживъ истинно золотыя сердца.

Дѣти трезво и просто, безъ самохвальства, безъ жажды мщенія относятся къ войнѣ; въ этомъ я вижу симптомъ великой духовной силы ихъ. Мы видѣли, что повсюду у дѣтей замѣчается переломъ къ 9 годамъ, въ сторону большаго приближенія къ дѣйствительности. Въмѣстѣ съ общимъ ростомъ душевной жизни обнаруживается и бѣльшая моральная зрѣлость и опредѣленность. Къ сожалѣнію, наша анкета не идетъ дальше 18 лѣтъ, т. е. не захватываетъ какъ юношескаго періода, такъ и тѣхъ пограничныхъ между дѣтствомъ и юностью лѣтъ, которыя обычно особенно отличаются моральной неустойчивостью и ненадежностью. Но юноши нашего времени это, конечно, наиболѣе „уязвимая“ часть общества, наиболѣе хрупкая и опасная. Какъ ни тревожны становятся думы педагоговъ, когда они обращаются къ этому возрасту, не слѣдуетъ забывать, что наиболѣе глубокимъ влияніе войны должно быть по отношенію именно къ дѣтямъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не надѣяться на то, что героизмъ, обычно присущій дѣтской душѣ и безнадежно исчезающій въ послѣдствіи благодаря опошляющему дѣйствию жизни, быть можетъ окрѣпнетъ у дѣтей нашего времени среди великихъ переживаній, среди подлинно героическаго подъема, которымъ полно наше время. Тѣмъ болѣе важнымъ представляется намъ отмѣченный фактъ высокаго благородства дѣтской души, какъ онъ вырисовался въ приведенномъ выше матеріалѣ. Будемъ же вѣрить, что не случайны данныя нашей анкеты, что тайны дѣтскаго сердца, чуть чуть пріоткрывшіяся намъ, сулятъ намъ послѣ войны дѣйствительное торжество духовнаго начала надъ узкимъ мѣщанствомъ!

Война раздвигаетъ перспективы, въ которыхъ мы обычно живемъ, вноситъ въ будничную жизнь очищающее начало трагизма, заставляетъ людей съ ужасающей очевидностью пережить фактъ небратскаго отношенія однихъ къ другимъ. Подготавливаемая ядами, отравляющими жизнь, война обнажаетъ язвы нашей жизни и заветъ къ братству. Конечно, война имѣетъ и свою страшную, темную сторону,—но эта темная сторона войны питаетъ лишь тѣ души, которыя и до войны носили въ себѣ ядовитые цвѣты зла. Все, что было

сказано выше объ отношеніи дѣтей къ войнѣ, не говорить ли оно краснорѣчиво за то, что война открывается дѣтской душѣ въ томъ возвышенномъ, героическомъ ея аспектѣ, который ведетъ къ расцвѣту благороднѣйшихъ силъ души?

Чѣмъ ярче фактъ духовнаго благородства дѣтей, тѣмъ рѣзче выступаетъ и другой фактъ, вырисовывающійся въ нашей анкетѣ,—ихъ умственное убожество, та темнота, которой скованъ ихъ умъ. Даже въ нравственной сферѣ дѣтей, безусловно прекрасныхъ, даетъ себя знать бѣдность ихъ представленій, слабость воображенія, отсутствіе у нихъ тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы, чтобы понимать событія нашихъ дней. Дѣти не могутъ не сближать реальное и воображаемое, не могутъ не жить въ мірѣ собственныхъ грезъ и фантазій, но грустно думать, что ихъ умъ остается погруженнымъ въ тьму невѣжества. Свѣта, больше свѣта,—вотъ что хочется сказать, когда прикоснешься къ дѣтямъ. И особенно грустно сжимается сердце, когда подумаешь о дѣтяхъ деревни; темнота, нависшая надъ ними, еще вѣдь страшнѣе и безпросвѣтнѣе.

Опираясь на данныя анкеты, я считаю возможнымъ сдѣлать выводъ, что передъ нашимъ обществомъ не стоитъ никакихъ особыхъ задачъ по моральной охранѣ дѣтской души, поскольку дѣло идетъ о дѣтяхъ возраста и среды, изученныхъ нами. Дѣтское сердце такъ хорошо разбирается въ вопросахъ, поставленныхъ жизнью, оно таитъ въ себѣ столько гуманности, что наша задача заключается лишь въ и с п о л ь з о в а н і и добрыхъ переживаній, путемъ приложенія ихъ къ той или иной активной работѣ гуманнаго характера. Въстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, дѣти наши имѣютъ золотое сердце, у котораго кое чему могли бы поучиться и взрослые. Но тѣмъ серьезнѣе, неотложнѣе, тѣмъ настойчивѣе выдвигается другая задача передъ русскимъ обществомъ—мобилизовать всѣ силы для дружной работы въ дѣлѣ просвѣщенія. Нужно не только пріютить сиротъ, заброшенныхъ, бездомныхъ дѣтей, нужно не только охранить здоровье тѣхъ, кого война выбила изъ колеи жизни,—но не менѣе, а болѣе нужно отдать всѣ силы, чтобы просвѣтить темныя дѣтскія головки, чтобы приобщить ихъ къ міру свѣта и культуры,

поднять ихъ душевныя силы. Если намъ дано будетъ побѣ-
дить врага, то пусть же придетъ за побѣдой и ясный день
русскаго просвѣщенія, пусть исчезнетъ нависшій надъ Рос-
сіей мракъ невѣжества! Пойдемъ же къ дѣтямъ и утолимъ
ихъ духовный голодь; этимъ мы лучше всего исполнимъ
нашъ долгъ передъ ними. Всѣ свободныя педагогическія
силы, всѣ средства должны быть отданы на великое дѣло
просвѣщенія,—этого настоятельно требуетъ отъ насъ жизнь.

Прив.-доц. В. В. Зньковскій.

